

М а с т е р - д р а м а т у р г

Десять лет назад, 29 октября 1941 г., фашистская бомба оборвала яркую, плодотворную жизнь одного из интереснейших представителей старшего поколения советских писателей, драматурга Александра Николаевича Афиногенова.

Афиногенов был литературным сверстником Великого Октября, его писательская работа началась буквально на следующий день после Октябрьской победы, которую он принял всем сердцем, как большевик и поэт.

Творческий путь Афиногенова был извилист и сложен. Он был связан с Пролеткультом, а позднее разделял рапповскую теорию «психологического реализма». Но Афиногенов был художником, и схоластические лже теории в его сознании преодолевались под влиянием правды жизни. Он был неутомимым, беспокойным искателем, и первые большие победы пришли к нему тогда, когда он вплотную подошел к той простоте и ясности, которых требовала от драматурга наша жизнь.

От условных персонажей, носящих маски, неподвижных и статичных, вроде профессора Друмонда, Орлова, Вольпе, Зонина и других героев его ранних пьес, Афиногенов настойчиво и последовательно идет к изображению живых людей нашего времени, тех людей, которые появились перед зрителем в пьесах «Чужак», «Страх», «Машенька» Юношеская горячность драматургического темперамента Афиногенова превращалась в зрелое мастерство драматурга-реалиста, художника-большевика, ставящего в своих пьесах глу-

◇
Борис ЛАВРЕНЕВ
◇

боко волнующие современников социальные, моральные и философские проблемы.

Образы Бориса Волгина и Дробного в «Чужаке», Елены Макаровой и Кимбаева в «Страхе», наковец, обаятельный, напоенный лирическим теплом, нежностью, светлый облик советской девочки Машеньки — это уже подлинные герои советской современности, люди с настоящей кровью в жилах, а не «человеческие символы», которые ходили туманными призраками в первых произведениях Афиногенова.

С нежностью и теплотой изображая советских людей, Афиногенов был в то же время пламенным обличителем всего старого, косного, мешающего росткам новой жизни. Борьба за творческую инициативу простых людей — вот пафос пьесы «Чужак». Милый, живой, темпераментный человек, организатор «кружка энтузиастов», Борис Волгин овладевает нашим сердцем безраздельно и озерживает моральную победу над формалистами и бюрократами, губящими ростки нового.

В «Страхе» Афиногенов поставил сложную философскую проблему. Идеальное столкновение передового советского мировоззрения с враждебными теориями профессора Бородина, сторонника «чистой науки», не верящего в силу разума, объявляющего страх одним из главных стимулов человеческой деятельности, убедительно разрешается всесторонним разобла-

чением поборников этих теорий. Если в пьесе «Страх» есть некоторые следы схематизма, то пьеса «Далекое» отличалась несомненно большей глубиной и жизненной конкретностью. Здесь с горьковской страстностью утверждалась победная сила жизни, торжествующая над смертью.

Драматург уверенно шел к овладению методом социалистического реализма, все более зрелым, углубленным и умным становилось его творчество, и нет сомнения, что на этом пути Афиногенов дал бы советской сцене немало идейно значительных, больших, художественных, партийно страстных произведений.

Афиногенов был новатором в драматургии. Чувство нового всегда жило в его душе. Это сказывалось и на тематике его пьес, и в его подходе к разработке образов и характеров. Он стремился вперед, всегда видел перед собой широкую и дальние горизонты.

Драматургическое наследие Афиногенова — это ценный и живой опыт большого этапа в развитии нашего театра. Искусство построения сюжета, четкость и ясность диалога, умение создать настроение и многие другие секреты мастерства, которыми владел Афиногенов в пору своей творческой зрелости. — пример для молодых драматических писателей. Творческие завоевания Афиногенова — бойца, погибшего на посту, — принадлежат живым.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 128 27 октября 1951 г.